

Мюнш Шарль

27/1 - 65

наши гости

ШАРЛЬ МЮНШ

ОКОЛО десяти лет отделяют нас от предыдущих гастролей в Москве Шарля Мюнша. Многих интересных, а порою блистательных дирижеров слышали мы за эти годы. И все же место, которое заняло проникновенное искусство Мюнша в сердцах московских слушателей, осталось за ним — в этом убедила новая встреча с замечательным музыкантом современности. Вновь переживаем мы чудесные часы под властью обаяния его личности, его искусства, чарующего кристальной чистотой и ясностью, глубочайшей человечностью и благородством, непогрешимым чувством меры и стиля.

Правда, нынче мы встретились с Мюншем в несколько иных условиях. В свой прошлый приезд maestro был, образно говоря, у себя дома, среди руководимого им, сроднившегося с ним коллектива Бостонского оркестра; на этот же раз перед выступлением с Государственным симфоническим оркестром СССР ему пришлось ограничиться всего несколькими репетиционными часами. Что же, можно лишь удивляться тому, как плодотворно использовано было это время для нахождения тех незримых нитей, которые, по словам Мюнша, непременно должны связывать дирижера с оркестрантами.

В первых концертах Мюнша исполнялась исключительно французская музыка.

Поистине волшебное прозвучало вначале несколько фрагментов из сюит Рамо. Голосоведение здесь было столь прозрачным, что, казалось, будто вся партитура просматривается насквозь. Вместе с тем дирижеру поистине удалось «вдохнуть жизнь» в партитуру: передача музыки пленила душевным лиризмом, живой неповторимостью фразировки.

Созданием многоплановой звуковой перспективы, не утомляющей, а, напротив, все более увлекающей тембровой напряженностью, отмечено было исполнение трех симфонических эскизов Дебюсси «Море». Передача их чужда была внешней иллюстративности. Непрерывная звуковая изменчивость не помешала проявиться драматургической целостности замысла, а известная изысканность, прису-

щая этому виртуозно написанному сочинению, подчинена была подлинной простоте выражения.

Новой стороной — мастерством выявления глубокой музыкально-философской концепции — обернулось искусство Мюнша во Второй симфонии Онеггера, произведении, созданном в 1941 году, в тягчайшее для человечества время. Общей гнетущей атмосфере сочинения, скорбным стенинием струнных великолепно противопоставлен был заключительный призывный клич трубы: казалось, будто все сгущающийся сумрак, окутывающую землю тьму внезапно прорезал ослепительный луч света — символ грядущей победы. Ярким и приподнятым было исполнение Второй сюиты из балета «Вакх и Ариадна» Русселя — очень нарядного, но, на наш взгляд, несколько внешнего сочинения.

«Невозможно сыграть то, что между нот, не придерживаясь того, что написано в нотах» — эта крылатая фраза Мюнша может служить девизом всего его искусства музыканта-дирижера. Часто говорят о находках того или иного исполнителя, но, право же, очень трудно было бы указать на отдельные находки в трактовках Мюнша — и не из-за бедности, а, напротив, из-за богатства его творческой фантазии: все его исполнение воспринимается как непрерывная цепь таких находок, а, вернее, как единое творческое открытие.

Можно было бы еще многое сказать о Мюнше: отметить редкую естественность — ничего показного и экономно — ничего лишнего — его движений (вот уж действительно разительный пример подчинения техники внутренней музыкальной одухотворенности!); обратить внимание на ту скромность и, я бы сказал, деликатность, которая при всей власти выявления дирижером своих намерений никогда не создает ощущения «навязывания» их оркестрантам. Но главное, конечно, это присущее Мюншу внутреннее душевное тепло, заставляющее снова и снова вспоминать его слова о том, что дирижер — это очаг, к теплу и свету которого приходят тысячи людей.

Дмитрий БЛАГОЙ.

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

г. Москва

27 МАЯ 1965